

УДК 801.731-82-43

ИУДЕЙСКАЯ ПРОЗОПОПЕЯ В ОППОЗИЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ 1970-Х ГОДОВ (А. САХАРОВ, А. СОЛЖЕНИЦЫН)

Сергей Панов

Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов», Москва, Россия

В статье рассматривается религиозно-метафизическая основа идеологических проектов 1970-х годов А. Солженицына и А. Сахарова. Иудейский образ вербального творения обуславливает прогрессистский характер этих основных идеологий. Для Солженицына прагматическое преобразование человека возможно через литературу как вмененное реактивным сознаниям стимулирующее словесное действие. Сахаров выразит этот стимул в концепции поэтапной конвергенции и технологического прогресса.

Ключевые слова: идеология 1970-х годов, А. Солженицын, А. Сахаров, иудейская прозопопея.

Иудейская прозопопея – абсолютный образ творения словом бытия из ничего актом божественной воли. Так как русская литературная культура, основанная на метапредставлении равнодушной природы и мировой воли, явилась возвращением к иудейской схеме религиозного опыта, Сахаров и Солженицын как ее наследники мыслят свои идеологические проекты разрушения или преобразования советской системы в рамках вербального регулирования – ожидания ответа внеположного Бога Слова, который превращает человеческое бытие в историю через воплощение непосредственно данных команд и лозунгов, отождествляемых с заповедями. Именно поэтому социальная типология и критика западной и советской систем возможны для Солженицына исходя из литературного абсолюта как безусловной ценностной формы, от имени которой автор получает право провозгласить проект нового неоруссоистского Просвещения советского и западного человечества, а Сахаров напрямую свяжет прогресс человечества в мирном сосуществовании и конвергенции социально-экономических систем с обретением бесконечного источника энергии, открытие которого все еще слепо и пассивно ожидается научным разумом, как ожидается избранным народом ответ и завет ветхозаветного Яхве.

Русская литературная культура и все, что относится к этому имени, представляется той модификацией Просвещения, которая заменила трансцендентальные регулятивы «классической» культуры, подчинявшей человеческий опыт предустановленным априорным формам познания идеала, прагматическими правилами связывания мыслимого, воспринимаемого и волимого в проекте современного самоэкспериментирования человека, которые ввели в основание человеческого культуротворчества априори слепого согласия индивидуального сознания с другими и миром в нейтрализации суждения об объективных условиях жизни.

Проект антропоургического откровения связан с концептуальными основаниями имперского конструкта Российской империи, в основе которого лежит символическое отождествление человека и нации с тотемом тотемов – символом империи, обесценившей монотеизм до формы транснациональной универсальной воли-к-власти. «Да будет свет» монотеизма выродилось в чистую форму иудейской пропозициональной прозопопеи – абсолютного предложения, которое сотворяет видимый мир исходя из единственного факта собственного произнесения, приводящего в совершенное совпадение мыслимое, произносимое и желаемое. Этой фундаментальной прозопопее абсолютного творящего предложения бытия, связывающего непосредственно сущность и существование, всегда будет подражать вербальная прозопопея национального бытия как творение виртуальной реальности словом и через слово, как создание условий собственного существования именованием и отношением к неименоваемому.

Русская литература всегда имитировала движение монотеизма, который преодолел тотемные запреты запретом на изображение и запретом на произнесение имени, превратив сам запрет в противоимя – в криптоним самого абсолютного самоотношения силы, которая обусловит сценографию бесконечной замены имени в прононии, позволившей создать вакантное место имени – место самоименования романтического гения в петербургской повести как форме исторического лжесвидетельства: место имени выразит возможность и невозможность его занятия каждым в способе республиканского сочувствия («Медный всадник»). Имя как условие абсолютной ответственности за себя и других в единственной жизни заменяется формой рефлексивного сочувствия в тождестве слышимого и произносимого, которое стирается до молчания буквы литературного закона, что реализуется в мотиве смерти звука («оно (имя) умрет, как звук печальный» у Пушкина).

В основе русской литературной культуры лежит романтический шаманизм, который позволяет романтическому гению в акте вдохновения непосредственно получить от равнодушной природы правила творения неподражаемого шедевра – самотворения, подобно тому, как шаман в священнодействии, основная сюжетная ситуация которого – потребление абсолютного тела, снимает все запреты и императивы и их основания – заповеди. Имперский тотемизм, строившийся на видимом отождествлении воли суверена с высшей волей, сменяется республиканским тотемизмом, который подменяет присутствие формой сочувствия и согласия: имя заменяется тождеством слышимого и произносимого, которое умирает, стирается до молчания буквы.

Проект Просвещения, наследовавший свои мотивы у имперского и республиканского литературного Просвещения, обусловил у Солженицына всю идеологическую грамматику апологии литературы как единственного заместителя чужого опыта, который вмещает каждому собеседнику в свободной глобальной коммуникации литературное метапредставление, уже диктующее форму сопредставления любого сознания, любого волевого акта и поступка исходя из единственного отношения к всеобщему благу, которое, разумеется,

все еще не воплощено в истории. В основе этого отношения лежит разрядка морального инстинкта Руссо, служащая через созерцание и сложную схему душевного движения героя, отказавшегося от эгоиллюзии, концептуальной основой постпросвещенческого литературного письма в непосредственном сочувствии любых собеседников чувственно данной идее блага: «Единственный заменитель не пережитого нами опыта – искусство, литература. Дана им чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации – никогда не пережитый этой второю трудный многодесятилетний национальный опыт, в счастливом случае оберегая целую нацию от избыточного, или ошибочного, или даже губительного пути, тем сокращая извилины человеческой истории» [2].

Руссо выстраивает структуру самоотношения сентименталистского субъекта в универсальной прозопопе морального самочувствия: каким способом я созерцаю себя и в себе открываю моральное влечение, организующее мой внутренний опыт, мышление и поступки, таким образом любой другой может непосредственно получить доступ к условиям аффективно-нравственной природы с тем, чтобы разделить действие субъективного морального инстинкта сообщая – в общем сочувствии непосредственно данному моральному благу как интериоризованной стоической цели человеческого существования.

Непосредственная связь всех и каждого с моральным благом, данным в самом чувстве добродетели, снимает, как казалось Руссо, раз и навсегда всю познавательную-этическую неопределенность опытного человеческого существования. Сентименталистский субъект обретает не просто способность преобразовать пустое внесубъектное созерцание в действие морального блага, в «мечтание», в «грезу», но и формирует понимание свободы как условия нравственного самоотношения, выраженного в понятии «долга», который станет у Канта категорическим императивом – абсолютным моральным законом. Однако долг образуется из формы самочувствия нравственного субъекта, из его удовлетворения исполнением нравственных обязательств, которое способно принести поступающему это удовольствие собственным соответствием моральному благу.

Избыток свободы, освобождающий от инстинктивной необходимости, приравнивается к избытку воображения и воли, который позволяет осуществить моральный поступок свободно – независимо от ожидания вознаграждения или наказания. Моральное сознание вознаграждается в самом автоматизме нравственно-аффективного существа, которое предвосхищает ответ на любые свои запросы заранее благословляющим, данным в моральном аффекте действием природы, тем самым нейтрализуя связь с объективными условиями своего внутреннего и социального бытия: аффективно-волевое я как исходная «*tabula rasa*» непосредственно открывает для себя правила восприятия, мышления и воли, ему изначально не нужен мир других, которых оно превращает в заменимых носителей прозопопеи самочувствия, действующих только исходя из факта превращения самосозерцания в идеал, в

«мечтание», исходя из единственного факта совпадения голоса природной добродетели и собственного волевого влечения.

В рамках такого объективно-субъективного тождества и слепой безрефлексивной идентификации всех со всеми, превратившихся в носителей единого словесного творения реальности, свойством литературы для Солженицына является не только сообщать объективированный через отношение к благу и схематизированный литературной типологией опыт человечества любым участникам исторического процесса, но и сохранять национальную память по той же самой модели «жизни», «живой памяти», которая была уже в основе передачи культурно-социального опыта – по модели непосредственной идентификации субъекта или нации с прожитыми и переживаемыми содержаниями и индивидуализации этого опыта в «национальную историю», т.е. в национальную эстетическую религию как воплощение Абсолюта в жанре повествования о внеположной, но всякий раз отождествляемой с пресловутой национальной «уникальностью» судьбе: «И еще в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю – в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу» [2].

Именно поэтому важен для Солженицына мотив обращения к слушателям с трибуны: как непосредственно в иудейской прозопопее связываются произносимое и слышимое через постоянные призывы внеположного Третьего, в стимульно-реактивном речевом регулировании превращающего человечество в историчное существо, так непосредственно и любой слушатель может и должен разделить мое суждение об общем чувстве – о *sensus communis* всего человечества, всей человеческой культуры, которое формулируется на основе автоаффекции моего морального инстинкта как данного внутреннему чувству откровения Абсолюта.

Идея блага, конститутивная самой прогрессистской идеологии и апологии литературы как сферы свободного духа, разумеется, предполагает абсолютное зло, реализуемое в фантоме «банального зла» европейского буржуазного мещанства, она есть «болезнь воли благополучных людей», всякий раз требующего литературного идеолога-диагноста – носителя меры моральной оценки: «Дух Мюнхена – нисколько не ушел в прошлое, он не был коротким эпизодом. Я осмелюсь даже сказать, что дух Мюнхена преобладает в XX веке. Оробелый цивилизованный мир перед натиском внезапно воротившегося оскаленного варварства не нашел ничего другого противопоставить ему, как уступки и улыбки. Дух Мюнхена есть болезнь воли благополучных людей, он есть повседневное состояние тех, кто отдался жажде благоденствия во что бы то ни стало, материальному благосостоянию как главной цели земного бытия. Такие люди – а множество их в сегодняшнем мире – избирают пассивность и отступления, лишь дальше потянулась бы привычная жизнь, лишь не сегодня бы перешагнуть в суровость, а завтра, глядишь, обойдется...» [2].

Как представить активный жизнеутвердительный модус воли, который является лейтмотивом речи Солженицына? Этот модус всякий раз будет нуждаться в отношении к отрицанию воли, воплощенному в «цивилизованном варварстве», и это раскрывает концептуальные основы литературной идеологии Солженицына: человеческая природа сводится к потоку аффектов и форм волевого самообладания, в ней не мыслится возможность суждения об объективных условиях своего самочувствия.

«Общий дух и сердечное единство» носителя литературной традиции есть результат этого позитивного оценивания европейского нигилизма как воли-к-неволе, как фатальной пассивности в постоянном оценивании и дистанцировании прогрессиста и оптимиста от европейского ничто: «Так я понял и ощутил на себе: мировая литература – уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами, но некое общее тело и общий дух, живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества» [2].

Однако сам Солженицын вывел в своем физиологическом очерке «Один день Ивана Денисовича» социальный тип приспособленца-заключенного, для которого главная ценность – не «жить не по лжи», а просто выжить в предполагаемых обстоятельствах лагеря следуя инстинкту самосохранения: «Засыпал Шухов, вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый».

По отношению к русской литературной традиции феноменологического романа XX в. (Горький, Платонов, Булгаков) жанр физиологического очерка – очерка социальной физиологии и сценографии социальных примитивных инстинктов – явился откатом к более примитивным формам повествовательского и авторского свидетельства о внутренней человеческой природе – в противовес оценке, данной современниками (А. Ахматова, Лакшин). Но противоречие здесь только кажущееся: зэк Иван Денисович как образ автора превращается в глашатая истин человечества, в измерителя лжи и правды, добра и зла в человеческой истории, именно поскольку структура его морально-аффективного существа неизменна: биосоциальный мотивационный физиологизм заключенного порождает возвышенную автоаффекцию литературного аполога и идеолога, так как равнодушная природа сама по себе санкционировала эту смену аффекта от нигилизма к утверждению идеала, и за эту смену носитель аффекта, подчиненный голосу природы, заставляющему принять произносимое за реальное и желаемое, отвечать не может и не отвечает.

Именно поэтому Солженицын воспроизводит негативное определение свободы поступка Руссо: нет и не может быть положительных целей свободы, т.к. она сама является результатом диктата необходимого порядка природы, мы

можем только «не участвовать во лжи», меру которой нам может сообщить только литературный идеолог в его постоянных призывах, имитирующих аффективные «призывы» морального инстинкта: «И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть э т о приходит в мир и даже царит в мире – но не через меня. Писателям же и художникам доступно больше: победить ложь! Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! – зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь – но только не против искусства. А едва развеяна будет ложь - отвратительно откроется нагота насилия – и насилие дряхлое падет» [3].

Что здесь обозначается под ложью? Европейский нигилизм как конформизм, как отрицание жизненного инстинкта, как ограниченность благополучия, словом, уже уцененная модель бытия, предложенная европейским Просвещением, цель литературы – открыть «наготу насилия» – возможна только в насилии литературного метапредставления, где, как в жанре аргументативной дискуссии, мы заставляем других безрефлексивно разделить наше суждение об истине, которое воплощается отныне в безавторской фразе анонимной народной мудрости как якобы высшей степени познания внутренней человеческой природы: «ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ» [3].

Однако познавательный доступ к различению добра и зла, правды лжи для нас закрыт самой фигурой и аргументативной операцией литературного идеолога: для того, чтобы артикулировать и выразить моральный смысл нужно вновь и вновь произвести все безрефлексивные этапы разрядки морального инстинкта литературного идеолога – от аффективного восприятия морального содержания – до безусловного признания его любыми другими как собственного в триумфе слепого демократического согласия всех со всеми.

Социально-политическая идеология Солженицына в «Письме вождям Советского Союза» [4] строится по той же модели руссоистско-толстовского Просвещения, которая выражает требование остановить прогресс с его претензией на безграничное совершенствование общества, производительных сил и потребления, выстроить экономику «постоянного уровня» на основе преобладания ручного труда и земледелия, эволюции «раздробленного» урбанизма, упразднении основополагающей роли марксизма в свободной конкуренции всех «идеологических и нравственных течений».

Пресловутая интеллектуальная свобода роднит идеологическую позицию Солженицына с позицией А. Сахарова в его «Размышлениях о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе», однако эта свобода является только воспроизведением вольтеровской интеллектуальной свободы, которая обеспечивает мирное сосуществование любых религий в рамках одной и той же биржи, способной наценить или уценить любые идеалы исходя из безрефлексивных движений мирового рынка как внеположной «мировой воли» или «объективной реальности».

А. Сахаров – наследник классического Просвещения, видевшего цель исторического процесса только в бесконечном естественнонаучном

технологическом прогрессе, концептуальная основа которого лежит в деривате иудейской прозопопеи: классическая схема научного опытного познания предполагает инстанцию внеположного Третьего, который решает судьбу любого эксперимента, т.к. проективное научное познание строится на выявлении несоответствия теории порядку наблюдаемого мира, выдвижении и опытной проверке гипотезы о новых закономерностях природы и безрефлексивном ожидании санкции этой самой природы на ожидание экспериментатора по модели визуализации экспериментального результата – том же самом автоаффективном совпадении или несовпадении мыслимого и видимого.

Сахаров описывает этапы конвергенции социалистической и капиталистической систем через идеологическое размежевание социалистического лагеря, «победу реалистов, утверждению курса на углубление мирного сосуществования, укрепление демократии и расширение экономической реформы», социальную эволюцию капитализма в направлении «социальных реформ, мирного сосуществования и сотрудничества с социализмом в мировом масштабе сближения», сотрудничество СССР и США, спасающих «бедную» половину человечества посредством развития сельского хозяйства, химической промышленности, ядерной энергетики и ядерного разоружения, и, наконец, «сглаживание различий социальных структур, к развитию интеллектуальной свободы, науки и производительных сил, к созданию мирового правительства и сглаживанию национальных противоречий (1968-2000 гг.)» [1].

Технологический триумф объединенного человечества описывается во все том жанре проекта, который сам работает на бесконечной силе проектирующего воображения просвещенца: «Социалистическая конвергенция приводит к сглаживанию. В этот период можно предположить решающие успехи в развитии ядерной энергетики как на базе урана и тория, так и, вероятно, на базе дейтерия и лития. В частности, ряду авторов кажется правдоподобным использование взрывного бридинга (размножение активных веществ плутония, урана-233 и трития при подземных или камерных взрывах)» [1].

В конце концов, Сахаров рисует реализацию программы русского космизма в требовании технологического контроля и управления всеми силами природы: «В этот же период развитие космических полетов приведет к необходимости многим тысячам людей непрерывно работать и жить на других планетах и на Луне, на искусственных спутниках Земли и повернутых при помощи ядерных взрывов на новые орбиты астероидах. Можно предположить, что синтез веществ, сверхпроводящих при комнатной температуре, совершенно изменит технический облик всей электротехники, кибернетической техники, транспорта и связи. Успехи в биологических науках (в этот и последующие периоды) дадут возможность эффективно контролировать и направлять все жизненные процессы на биохимическом, клеточном, организменном, экологическом и

социальных уровнях, от рождаемости и старения до психических процессов и наследственности включительно» [1].

Однако весь этот синтез означающих в технологическом прогрессистском проекте просвещенца, который структурно можно сравнить с бредом психотика в психоанализе Лакана, выявляет символическое ограничение, примыслимое постфактум, – после всей сценографии всеобщего биотехносоциального рая возникает вопрос об этических рамках проекта: «Конечно, такая всепроникающая, сулящая неисчислимы блага научно-техническая революция возможна и безопасна лишь при величайшей научной предусмотрительности и осторожности, при величайшем внимании к общечеловеческим ценностям морально-этического и личного плана».

Это внимание может обеспечить только «“интеллигентное”, в широком смысле, общемировое руководство» [1]. И здесь выявляется режим денегации технологического идеолога – просвещенца-технократа: призванный реализовать всеобщее благо в истории, технологический разум сам по себе не способен обеспечить безопасность и этическую ценность прогрессистского проекта, т.к. строится по той же автоаффективной модели мировой воли или внеположного Третьего, который проецирует человеческое бытие и заставляет каждого и всех отождествить себя с этой проекцией на основе тождества произносимого и слышимого вне всякой возможности объективно оценить отношение высказывания к реальности.

Чем стала модель просвещенческого разума в начале XXI в.? Тем же самым, чем она была в XVIII в., – моделью аргументативной дискуссии, в которой каждый участник может поставить под сомнение любое утверждение о порядке внешней и внутренней природы, выдвинуть предположение об истинных мотивах мысли, восприятия и поведения, проверить его, выразить в суждении, заставив других его разделить, с тем, чтобы вновь и вновь воспроизвести исходную неудачу – экспериментальную отмену любых условий индивидуального и коллективного бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе [Электронный ресурс] / А. Д. Сахаров. – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress.html. – Название с экрана.
2. Солженицын А. И. Нобелевская речь / Александр Исаевич Солженицын // Избранное. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 350 с.
3. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича [Электронный ресурс] / Александр Исаевич Солженицын. – Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt>. – Название с экрана.
4. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза [Электронный ресурс] / Александр Исаевич Солженицын. – Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt. – Название с экрана.

**ЮДЕЙСЬКА ПРОЗОПОПЕЯ В ОПОЗИЦІЙНІЙ ІДЕОЛОГІЇ 1970-Х РОКІВ
(А. САХАРОВ, О. СОЛЖЕНИЦІН)**

Сергій Панов

У статті розглянута релігійно-метафізична основа ідеологічних проектів 1970-х років О. Солженіцина й А. Сахарова. Юдейський образ вербального творіння обумовлює прогресистський характер цих основних ідеологій. Для Солженіцина прагматичне перетворення людини можливе завдяки літературі як впровадженій в реактивні свідомості стимулюючій словесній дії. Сахаров висловить цей стимул у концепції поетапної конвергенції і технологічного прогресу.

Ключові слова: ідеологія 1970-х років, О. Солженіцин, А. Сахаров, юдейська прозопопея.

**THE ROLE OF JUDAIC PROSOPOPEIA IN THE OPPOSITION IDEOLOGY OF 1970S
(A. SAKHAROV AND A. SOLZHENITSYN)**

Sergey Panov

In the article the religious and metaphysical ground of A.Solzhenitsyn`s and A.Sakharov`s ideological of 1970s is considered. Judaic form of verbal creation has conditioned progressivist nature of these main ideologies. Judaic prosopopeia is considered as ultimate sentence which creates visible due to the only fact of its utterance, brings into complete confluence of cogitable, vocable and desired. For Solzhenitsyn the pragmatic human transformation is possible through the literature as the stimulating verbal action imputed to every reactive consciousness. Sakharov expresses this stimulation in the stage-by-stage convergence and technological progress conception. The article emphasizes that the model of enlightenment mind at the beginning of 21st century as in 18th century has become a model of argumentative dialogue. This dialogue gives opportunity for everyone to dispute any statement about outward and inward nature, to make an assumption about true premises of thought, perception and behavior and check it in order to reproduce the cancellation of the conditions of individual and collective existence.

Key words: ideology of 1970s, A. Solzhenitsyn, A. Sakharov, judaic prosopopeia.

Стаття надійшла до редакції 15. 04.2016

Прийнято до публікації 20.06.2016